

*Зарубежная
любовная
лирика*

Сборник Зарубежная любовная лирика

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10016926
Зарубежная любовная лирика: Фолио; Харьков; 2008
ISBN 978-966-03-4242-2*

Аннотация

Книга открывает читателю волшебный мир любовной лирики Сапфо и Катулла, Горация и Петрарки, Верлена и Бодлера, Шекспира, Байрона и многих других поэтов от античности до наших дней, снискавших славу «певцов любви». Стихотворения представлены в переводах таких общепризнанных классиков русской словесности, как А. Фет, К. Бальмонт, А. Блок, И. Анненский, Вяч. Иванов и другие.

Содержание

Античная лирика	6
Греческая поэзия	8
Алкей	8
К Сапфо	8
Сапфо	8
«Богу равным кажется мне по счастью...»	8
«Я к тебе взываю, Гонгила, – выйди...»	9
«Мнится, легче разлуки смерть...»	10
«...Те, кому я...»	11
«Зачем венком из листьев лавра...»	12
Анакреонт	14
«...бросился я...»	14
Алкман	14
«И сладкий Эрос, милостью Киприды...»	14
«Нет, не Афродита это, Эрос это бешеный...»	14
Ивик	15
«Эрос влажно мерцающим взглядом очей...»	15
Бакхилид	16
«...Пленяет разум...»	16

Римская поэзия	18
Валерий Катулл	18
«Спросишь, Лесбия, сколько поцелуев...»	18
«Милая мне говорит: лишь твоею хочу быть...»	18
«Нет, ни одна среди женщин такой похвалиться...»	19
«Лесбия вечно ругает меня. Не молчит...»	20
«Если желанье сбывается свыше надежды...»	20
«Жизнь моя! Будет счастливой любовь наша...»	21
Гораций	22
«Астерия плачет даром...»	22
«Давно ль бойца страшились жены...»	25
«Легче лани юной ты...»	25
Западно-европейская поэзия	27
Италия	27
Франческо Петрарка	27
Из «Канцоньере»	27
«Промчались дни мои, как бы оленей...»	44
«Когда уснет земля и жар отпышет...»	45
Торквато Тассо	46
К Лукреции, герцогине Урбино	46

Франция	48
Эварист Парни	48
Источник	48
Андре Шенье	50
«Я был еще дитя; она уже прекрасна...»	50
Лида	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Зарубежная любовная лирика

Античная лирика

Греческая поэзия

Алкей

К Сапфо

Сапфо фиалкокудрая, чистая,
С улыбкой нежной! Очень мне хочется
Сказать тебе кой-что тихонько,
Только не смею: мне стыд мешает.

Сапфо

«Богу равным кажется мне по счастью...»

Богу равным кажется мне по счастью
Человек, который так близко-близко
Пред тобой сидит, твой звучащий нежно
Слушает голос

И прелестный смех. У меня при этом

Перестало сразу бы сердце биться:
Лишь тебя увижу, уж я не в силах
Вымолвить слова.

Но немеет тотчас язык, под кожей
Быстро легкий жар пробегает, смотрят,
Ничего не видя, глаза, в ушах же —
Звон непрерывный.

Пóтом жарким я обливаюсь, дрожью
Члены все охвачены, зеленее
Становлюсь травы, и вот-вот как будто
С жизнью прощусь я.

Но терпи, терпи: чересчур далеко
Все зашло...

«Я к тебе взываю, Гонгила, – выйди...»

Я к тебе взываю, Гонгила, – выйди
К нам в молочно-белой своей одежде!
Ты в ней так прекрасна. Любовь порхает
Вновь над тобою.

Всех, кто в этом платье тебя увидит,
Ты в восторг приводишь. И я так рада!
Ведь самой глядеть на тебя завидно

Кипророжденной!

К ней молюсь я...

«Мнится, легче разлуки смерть...»

Мнится, легче разлуки смерть, —
Только вспомню те слезы в прощальный час,

Милый лепет и жалобы:
«Сапфо, Сапфо! Несчастливы мы!
Сапфо! Как от тебя оторваться мне?»

Ей в ответ говорила я:
«Радость в сердце домой неси!
С нею – память! Лелеяла я тебя.

Будешь помнить?.. Припомни все
Невозвратных утех часы, —
Как с тобой красотой услаждались мы.

Сядем вместе, бывало, вьем
Из фиалок и роз венки,
Вязи вяжем из пестрых первин лугов, —

Нежной шеи живой убор,
Ожерелья душистые, —

Всю тебя, как Весну, уберу в цветы.

Мирром царским волну кудрей,
Грудь облив благовоньями,
С нами ляжешь и ты – вечерять и петь.

И прекрасной своей рукой
Пирный кубок протянешь мне:
Хмель медвяный подруге я в кубок лью...»

«...Те, кому я...»

...Те, кому я
Отдаю так много, всего мне больше
Мук причиняют.

«Зачем венком из листьев лавра...»

Зачем венком из листьев лавра
Себе чело я обвила
И лиру миртом убрала?..
Так! Мне оракул Эпидавра
Предрек недаром чашу мук:
Ты мне неверен, милый друг!
Ты очарован новой страстью
У ног красавицы другой.
Но овладеть она тобой,
Скажи, какой умела властью?
Ничто, ни мысль ни чувство, в ней
Границ холодных не преступит;
Она бессмысленных очей
Не озарит огнем страстей
И вдруг стыдливо не потупит;
Не может локонов убрать
Небрежно, но уловкой тайной
Ни по плечам, как бы случайно,
Широко ризы разметать.

Анакреонт

«...бросился я...»

...бросился я
в ночь со скалы Левкадской
И безвольно ношусь
в волнах седых,
пьяный от жаркой страсти.

Алкман

«И сладкий Эрос, милостью Киприды...»

И сладкий Эрос, милостью Киприды,
Нисходит вновь, мне сердце согревая.

**«Нет, не Афродита это,
Эрос это бешеный...»**

Нет, не Афродита это, Эрос это бешеный
дурачится, как мальчик.
Сердце, берегись его! Несется
по цветущим он
верхушкам кипериска...

Ивик

«Эрос влажно мерцающим взглядом очей...»

Эрос влажно мерцающим взглядом очей
Своих черных глядит из-под век на меня
И чарами разными в сети Киприды
Крепкие вновь меня ввергает.
Дрожу и боюсь я прихода его.
Так на бегах отличавшийся конь неохотно
под старость
С колесницами быстрыми на состязанье идет.

Бакхилид

«...Пленяет разум...»

...Пленяет разум

Сладкой неволей отрада кубков полных.

Бьется сердце, шепчет мне: «Близка
любовь...»

Ты сам, Дионис, нам вливаешь в грудь отвагу.

Мы высоко залетели мыслью, други!

Мы сокрушаем в мечтах своих твердыни:

Над

вселенной побежденной мы царим!

Палаты – все в золоте, все в кости слоновой;

Много богатств корабли тропой лазурной,

Много пшеницы везут нам из Египта:

Так

за кубком над вселенной мы царим.

Нет ни тучных стад, ни злата; нет и тканей
пурпуровых.

Только в сердце есть веселье, сладкий мир.

Есть и муза нежных песен, – да в сосудах
беотийских

Гроздъев нектар!

Римская поэзия

Валерий Катулл

«Спросишь, Лесбия, сколько поцелуев...»

Спросишь, Лесбия, сколько поцелуев
Милых губ твоих страсть мою насытят?
Ты зыбучий сочти песок ливийский
В напоенной отравами Кирене,
Где оракул полуденный Аммона
И где Батта старинного могила.
В небе звезды сочти, что смотрят ночью
На людские потайные объятья.
Столько раз ненасытными губами
Поцелуй бесноватого Катулла,
Чтобы глаз не расчислил любопытный
И язык не расплетничал лукавый.

**«Милая мне говорит:
лишь твоею хочу быть...»**

Милая мне говорит: лишь твоею хочу быть
женою,
Даже Юпитер желать стал бы напрасно
меня.
Так говорит. Но что женщина в страсти
любовнику шепчет,
В воздухе и на воде быстротекущей пиши!

«Нет, ни одна среди женщин такой похвалиться...»

Нет, ни одна среди женщин такой похвалиться
не может
Преданной дружбой, как я, Лесбия, был
тебе друг.
Крепче, чем узы любви, что когда-то двоих
нас вязали,
Не
было в мире еще крепких и вяжущих
уз.
Ныне ж расколото сердце. Шутя ты его
расколола,
Лесбия! Страсть и печаль сердце разбили
мое.
Другом тебе я не буду, хоть стала б ты
скромною снова,
Но разлюбить не могу, будь хоть

преступницей ты!

«Лесбия вечно ругает меня. Не молчит...»

Лесбия вечно ругает меня. Не молчит
ни мгновенья,
Я поручиться готов – Лесбия любит меня!
Ведь и со мной не иначе. Ее и кляню
и браню я,
А поручиться готов – Лесбию очень люблю!

«Если желанье сбывается свыше надежды...»

Если желанье сбывается свыше надежды
и меры,
Счастья нечаяного день благословляет
душа.
Благословен же будь, день золотой,
драгоценный, чудесный,
Лесбии милой моей мне возвративший
любовь.
Лесбия снова со мной! То, на что
не надеялся, – сбылось!
О, как сверкает опять великолепная

жизнь!

Кто из людей счастливей меня? Чего еще
мог бы

Я пожелать на земле? Сердце полно
до краев!

«Жизнь моя! Будет счастливой любовь наша...»

Жизнь моя! Будет счастливой любовь наша,
так ты сказала.

Будем друг другу верны и не узнаем
разлук!

Боги великие! Сделайте так, чтоб она
не солгала!

Пусть ее слово идет чистым от чистой
души!

Пусть проживем мы в веселье спокойные,
долгие годы,

Дружбы взаимной союз ненарушимо
храня.

Гораций

«Астерия плачет даром...»

Астерия плачет даром:
Чуть немножко потеплеет —
Из Вифинии с товаром
Гига море прилелеет...

Амалфеи жертва бурной,
В Орик Нотом уловленный,
Ночи он проводит дурно,
И озябший, и влюбленный.

Пламя страсти – пламя злое,
А хозяйский раб испытан:
Как горит по гостю Хлоя,

Искушая, все твердит он.

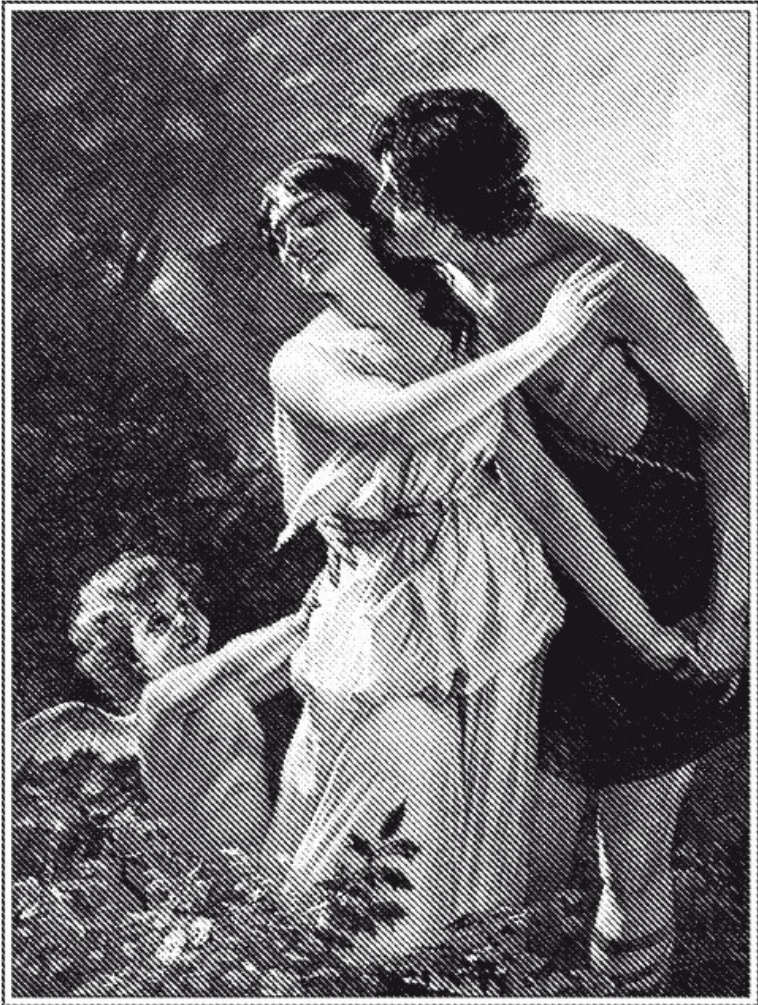
Мол, коварных мало ль жен-то
Вроде той, что без запрета
Погубить Беллерофонта
Научила мужа Прета,

Той ли, чьи презревши ласки,
Был Пелей на шаг от смерти.
Верьте сказкам иль не верьте —
Все ж на грех наводят сказки...

Но не Гига... Гиг крепится:
Скал Икара он тупее...
Лишь тебе бы не влюбиться
По соседству, в Энипея, —

Кто коня на луговине
Так уздою покоряет?
В желтом Тибре кто картинней
И смелей его ныряет?

Но от плачущей свирели
Все ж замкнись, как ночь настанет...
Только б очи не смотрели,
Побранит, да не достанет...

«Давно ль бойца страшились жены...»

Давно ль бойца страшились жены
И славил девы нежный стон?..
И вот уж он, мой заслуженный,
С любовной снастью барбитон.
О левый бок Рожденной в пене
Сложите, отроки, скорей
И факел мой, разивший тени,
И лом, и лук – грозу дверей!
Но ты, о радость Кипра, ты,
В беснежном славима Мемфисе,
Хоть раз стрекалом с высоты
До Хлои дерзостной коснися.

«Легче лани юной ты...»

Легче лани юной ты
Убегаешь предо мною.
Залепечут ли листы,
Ветерок ли над водою
Пробежит, или в кустах
Слышен ящерицы шорох —
Уж ее объемлет страх,
Гнутся ноги, огонь во взорах.

Но я жду, что на бегу
Ты оглянешься к врагу,
И замедлишь шаг и рядом
Вдруг очутишься со мной,
Страх забыв, потупясь взглядом,
Мне внимая всей душой!

Западно-европейская поэзия

Италия

Франческо Петрарка (1304–1374)

Из «Канцоньере»

III

Был день, в который, по Творце вселенной
Скорбя, померкло Солнце... Луч огня
Из ваших глаз врасплох настиг меня:
О госпожа, я стал их узник пленный!

Гадал ли я, чтоб в оный день священный
Была потребна крепкая броня
От нежных стрел? что скорбь страстного дня
С тех пор в душе пребудет неизменной?

Был рад стрелок! Открыл чрез ясный взгляд
Як сердцу дверь – беспечен, безоружен...
Ах! ныне слезы лью из этих врат.

Но честь ли богу – влить мне в жилы яд,
Когда, казалось, панцирь был ненужен? —
Вам – под фатой таить железо лат?

LXI

Благословен день, месяц, лето, час
И миг, когда мой взор те очи встретил!
Благословен тот край, и дол тот светел,
Где пленником я стал прекрасных глаз!

Благословенна боль, что в первый раз
Яощутил, когда и не приметил,
Как глубоко пронзен стрелой, что метил
Мне в сердце бог, тайком разящий нас!

Благословенны жалобы и стоны,
Какими оглашал я сон дубрав,
Будя отзвучья именем Мадонны!

Благословенны вы, что столько слав

Стяжали ей, певучие канцоны, —
Дум золотых о ней, единой, сплав!

LXXIV

Я изнемог от безответных дум —
Про то, как мысль от дум не изнеможет
О вас одной; как сердце биться может
Для вас одной; коль день мой столь угрюм

И жребий пуст – как жив я; как мой ум
Пленительной привычки не отложит
Мечтать о вас, а лира зовы множит,
Что брег морской – прибоя праздный шум.

И как мои не утомились ноги
Разыскивать следы любимых ног,
За грезю скитаясь без дороги?

И как для вас я столько рифм сберег? —
Которые затем порой не строги,
Что был Амур к поэту слишком строг.

LXXV

Язвительны прекрасных глаз лучи,
Пронзенному нет помощи целебной
Ни за морем, ни в силе трав волшебной.
Болящему от них – они ж врачи.

Кто скажет мне: «Довольно, замолчи!
Все об одной поет твой гимн хвалебный!» —
Пусть не меня винит, – их зной враждебный,
Что иссушил другой любви ключи.

Творите вы, глаза, непобедимым
Оружие, что точит мой тиран,
И стонут все под игом нестерпимым.

Уж в пепл истлел пожар сердечных ран;
Что ж день и ночь лучом неотвратимым
Вы жжете грудь? И петь вас – я ж избран.

CXI

Та, чьей улыбкой жизнь моя светла,
Предстала мне, сидящему в соборе

Влюбленных дум, с самим собой в раздоре,
И по склоненью бледного чела —

Приветствие смиренному – прочла
Всю смуту чувств, и обняла все горе
Таким участием, что при этом взоре
Потухли б стрелы Зевсова орла.

Я трепетал; не мог идущей мимо
Я благосклонных выслушать речей
И глаз поднять не смел. Но все палима

Душа той новой нежностью очей!
И болью давней сердце не томимо,
И неги новой в нем поет ручей.

СХХІІІ

Внезапную ту бледность, что за миг
Цветущие ланиты в снег одела,
Я уловил, и грудь похолодела,
И встречающая покрыла бледность лик.

Иных любовь не требует улики.
Так жителям блаженного предела
Не нужно слов. Мир слеп; но без раздела

Я в духе с ней – и в мысль ее проник.

Вид ангела в очарованье томном —
Знак женственный любовного огня —
Напомню ли сравнением нескромным?

Молчанием сказала, взор склоня
(Иль то мечта?), – намеком сердца темным:
«Мой верный друг покинет ли меня?»

СXXXII

Коль не любовь сей жар, какой недуг
Меня знобит? Коль он – любовь, то что же
Любовь? Добро ль?.. Но эти муки, Боже!..
Так злой огонь?.. А сладость этих мук!..

На что ропщу, коль сам вступил в сей круг?
Коль им пленен, напрасны стоны. То же,
Что в жизни смерть, – любовь. На боль
похоже
Блаженство. «Страсть», «страданье» —
тот же звук.

Призвал ли я иль принял поневоле
Чужую власть?.. Блуждает разум мой.

Я – утлый челн в стихийном произволе,

И кормщика над праздною нет кормой.
Чего хочу – с самим собой в расколе, —
Не знаю. В зной – дрожу; горю зимой.

CLIV

Сонм светлых звезд и всякое начало
Вселенского состава, соревнуя
В художестве и в силе торжествуя,
Творили в ней Души своей зеркало.

И новое нам солнце возблистало,
И каждый взор потупился, предчуя,
Что бог любви явил ее, ликуя,
Чтоб изощрить на дерзком злое жало.

Пронизанный очей ее лучами,
Течет эфир пылающей купинной,
И может в нем дышать лишь добродетель.

Но низкое желание мечами
Эдемскими гонимо. Мир свидетель,
Что красота и чистота – едино.

CLVII

Тот жгучий день, в душе отпечатленный,
Сном явственным он сердцу предстоит.
Чье мастерство его изобразит?
Но мысль лелеет образ незабвенный.

Невинностью и прелестью смиренной
Пленителен красы унылой вид.
Богиня ль то, как смертная, скорбит?
Иль светит в скорби свет богоявленный?

Власы – как золото; брови – как эбен;
Чело – как снег. В звездах очей угрозы
Стрелка, чьим жалом тронутый – блажен.

Уст нежных жемчуг и живые розы —
Умильных, горьких жалоб сладкий плен...
Как пламя – вздохи; как алмазы – слезы.

CXCIX

Прекрасная рука! Разжалась ты
И держишь сердце на ладони тесной.

Я на тебя гляжу, дивясь небесной
Художнице столь строгой красоты.

Продолговато-нежные персты,
Прозрачней перлов Индии чудесной,
Вершители моей судьбины крестной,
Я вижу вас в сиянье наготы.

Я завладел ревнивою перчаткой!
Кто, победитель, лучший взял трофей?
Хвала, Амур! А ныне ты ж украдкой

Фату похитить иль облаком развей!
Вотще! Настал конец услады краткой:
Вернуть добычу должен лиходей.

ССХІ

Ведет меня Амур, стремится Желанье,
Зовет Привычка, погоняет Младость,
И, сердцу обещая мир и сладость,
Протягивает руку Упованье.

И я ее беру, хотя заране
Был должен знать, что послан не на радость
Вожатый мне; ведь слепота не в тягость

Тому, Кто Разум отдал на заклянье.

Прелестный лавр, цветущий серебристо,
Чьи совершенства мною завладели,
Ты – лабиринт, влекущий неотвратно.

В него вошел в году тысяча триста
Двадцать седьмом, шестого дня апреля,
И не провижу выхода обратно.

ССХХ

Земная ль жила золото дала
На эти две косы? С какого берега
Принес Амур слепительного снега —
И теплой плотью снежность ожила?

Где розы взял ланит? Где удила
Размерного речей сладчайших бега —
Уст жемчуг ровный? С неба ль мир и нега
Безоблачно-прекрасного чела?

Любови бог! кто, ангел сладкогласный,
Свой чрез тебя послал ей голос в дар?
Не дышит грудь, и день затмится ясный,

Когда поет царица звонких чар...
Какое солнце взор зажгло опасный,
Мне льющий в сердце льдистый хлад и жар?

CCLXXVIII

В цветущие, прекраснейшие лета,
Когда Любовь столь властна над Судьбою,
Расставшись с оболочкою земною,
Мадонна взмыла во владенья света.

Живая, лишь сиянием одета,
Она с высот небесных правит мною.
Последний час мой, первый шаг к покою,
Настань, смени существованье это!

Чтоб, мыслям вслед, за нею воспарила,
Раскрепостясь, душа моя, ликуя,
Приди, приди, желанная свобода!

По этой муке надобна и сила,
И промедленья боле не снесу я...
Зачем не умер я тому три года?

CCLXXIX

Поют ли жалобно лесные птицы,
Листва ли шепчет в летнем ветерке,
Струи ли с нежным рокотом в реке,
Лаская брег, гурлят, как голубицы, —

Где б я ни сел, чтоб новые страницы
Вписать в дневник любви, моей тоске
Родные вздохи вторят вдалеке,
И тень мелькнет живой моей царицы.

Слова я слышу... «Полно дух крушить
Безвременно печалию, — шепнула, —
Пора от слез ланиты осушить!»

Бессмертье в небе грудь моя вдохнула.
Его ль меня хотел бы ты лишить?
Чтоб там прозреть, я здесь глаза сомкнула».

CCLXXXIX

Свой пламенник, прекрасней и ясней
Окрестных звезд, в ней небо даровало

На краткий срок земле; но ревновало
Ее вернуть на родину огней.

Проснись, прозри! С невозвратимых далей
Волшебное спадает покрывало.
Тому, что грудь мятежно волновало,
Сказала «нет» она. Ты спорил с ней.

Благодари! То нежным умилением,
То строгостью она любовь звала
Божественней расцвести над вождельем.

Святых искусств достойные дела
Глаголом гимн творит, краса – явленьем:
Я сплел ей лавр, она меня спасла!

СССII

Восхитила мой дух за грань вселенной
Тоска по той, что от земли взята;
И я вступил чрез райские врата
В круг третий душ. Сколь менее надменной

Она предстала в красоте нетленной!
Мне руку дав, промолвила: «Я та,
Что страсть твою гнала. Но маета

Недолго длилась, и неизреченный

Мне дан покой. Тебя лишь возле нет, —
Но ты придешь, – и дольнего покрова,
Что ты любил. Будь верен; я – твой свет».

Что ж руку отняла и смолкло слово?
Ах, если б сладкий все звучал привет,
Земного дня я б не увидел снова!

СССХІІ

Ни ясных звезд блуждающие станы,
Ни полные на взморье паруса,
Ни с пестрым зверем темные леса,
Ни всадники в доспехах средь поляны,

Ни гости с вестью про чужие страны,
Ни рифм любовных сладкая краса,
Ни милых жен поющих голоса
Во мгле садов, где шепчутся фонтаны, —

Ничто не тронет сердца моего.
Все погребло с собой мое светило,
Что сердцу было зеркалом всего.

Жизнь однозвучна. Зрелище уныло.
Лишь в смерти вновь увижу то, чего
Мне лучше б никогда не видеть было.

СССХV

Преполовилась жизнь. Огней немного
Еще под пеплом тлело. Нетяжел
Был жар полудней. Перед тем как в дол
Стремглав упасть, тропа стлалась отлого.

Утишилась сердечная тревога,
Страстей угомонился произвол,
И стал согласьем прежних чувств раскол.
Глядела не пугливо и не строго

Мне в очи милая. Была пора,
Когда сдружиться с чистотой достоин
Амур, и целомудренна игра

Двух любящих, и разговор спокоен.
Я счастлив был... Но на пути добра
Нам смерть предстала, как в железе воин.

СССXXXVI

Я мыслию лелею непрестанной
Ее, чью тень отнять бессильна Лета,
И вижу вновь ее в красе расцвета,
Родной звезды восходом осиянной.

Как в первый день, душою обаянной
Ловлю в чертах застенчивость привета.
«Она жива, – кричу, – как в оны лета!»
И дара слов молю из уст желанной.

Порой молчит, порою... Сердцу дорог
Такой восторг!.. А после, как от хмеля
Очнувшийся, скажу: «Знай, обманула

Тебя мечта! В тысяча триста сорок
Осьмом году, в час первый, в день апреля
Шестый – меж нас блаженная уснула».

ССCLVI

Когда она почила в Боге, встретил
Лик ангелов и душ блаженных лик

Идущую в небесный Град; и клик
Ликующий желанную приветил.

И каждый дух красу ее приметил
И вопрошал, дивясь: «Ужель то лик
Паломницы земной? Как блеск велик
Ее венца! Как лен одежды светел!..»

Обретшая одну из лучших доль,
С гостиницей расставшаяся брэнной,
Оглянется порою на юдоль —

И, мнится, ждет меня в приют священный.
За ней стремлю всю мысль, всю мощь,
всю боль...
«Спеши!» – торопит шепот сокровенный.

«Промчались дни мои, как бы оленей...»

Промчались дни мои, как бы оленей
Косящий бег. Срок счастья был короче,
Чем взмах ресницы. Из последней мочи
Я в горсть зажал лишь пепел наслаждений.

По милости надменных оболъщений
Ночует сердце в склепе темной ночи,
К земле бескостной жметя, средостений
Знакомых ищет – сладостных сплетений...

Но то, что в ней едва существовало,
Днесь, вырвавшись наверх, в очах лазури
Пленять и ранить может, как бывало,

И я догадываюсь, брови хмуря,
Как хороша, к какой толпе пристала,
Как там клубится легких складок буря.

«Когда уснет земля и жар отпышет...»

Когда уснет земля и жар отпышет
И на душе зверей покой лебяжий,
Ходит по кругу ночь с горящей пряжей,
И мощь воды морской зефир колышет.

Чую, горю, рвусь, плачу – и не слышит —
В неудержимой близости все та же —

Целую ночь, целую ночь на страже, —
И вся, как есть, далеким счастьем дышит.

Хоть ключ один – вода разноречива —
Полужестка, полусладка – ужели
Одна и та же милая двулична?

Тысячу раз на дню себе на диво
Я должен умереть – на самом деле —
Я воскресаю так же сверхобычно.

Торквато Тассо (1544–1595)

К Лукреции, герцогине Урбино

Ты в юности казалась нежной розой,
Что, лепестков лучам не открывая,
За зеленью стыдливо, молодая,
Еще таит мечты любви и слезы.

Иль может, ты (не с миром нашей прозы
Тебя равнять) была зарею рая,
Что, тени гор и поле озаряя,
На небесах полна невинной грезы.

Но для тебя года прошли неслышно,
И молодость в своем уборе пышном
Сравнится ли с твоею красотой?

Так и цветок душистее раскрытый,
И в полдень так лучи с небес разлиты
Роскошнее, чем утренней зарею.

Франция

Эварист Парни (1753–1814)

Источник

Буря умолкла, и в ясной лазури
Солнце явилось на западе нам;
Мутный источник, след яростной бури,
С ревом и с шумом бежит по полям!
Зафна! Приблизься: для девы невинной
Пальмы под тенью здесь роза цветет;
Падая с камня, источник пустынный
С ревом и с пеной сквозь дебри течет!

Дебри ты, Зафна, собой озарила!
Сладко с тобою в пустынных краях!
Песни любви ты мне повторила;
Ветер унес их на тихих крылах!
Голос твой, Зафна, как утра дыханье,
Сладостно шепчет, несясь по цветам.
Тише, источник! Прерви волнованье,
С ревом и с пеной стремясь по полям!

Голос твой, Зафна, в душе отозвался;
Вижу улыбку и радость в очах!..
Дева любви! – я к тебе прикасался,
С медом пил розы на влажных устах!
Зафна краснеет?.. О друг мой невинный,
Тихо прижмися устами к устам!..
Будь же ты скромн, источник пустынный,
С ревом и с шумом стремясь по полям!

Чувствую персей твоих волнованье,
Сердца биенье и слезы в очах;
Сладостно девы стыдливой роптанье!
Зафна, о Зафна!.. смотри... там, в водах,
Быстро несется цветок розмаринный;
Воды умчались – цветочка уж нет!
Время быстрее, чем ток сей пустынный,
С ревом который сквозь дебри течет!

Время погубит и прелесть и младость!..
Ты улыбнулась, о дева любви!
Чувствуешь в сердце томленье и сладость,
Сильны восторги и пламень в крови!..
Зафна, о Зафна! – там голубь невинный
С страстной подругой завидуют нам...
Вздохи любви – источник пустынный
С ревом и с шумом умчит по полям!

**Андре Шенье
(1762–1794)**

«Я был еще дитя; она уже прекрасна...»

Я был еще дитя; она уже прекрасна...
Как часто, помню я, с своей улыбкой ясной
Она меня звала! Играя с ней, резвясь,
Младенческой рукой запутывал не раз
Я локоны ее. Персты мои скользили
По груди, по челу, меж пышных роз
и лилий...

Но чаще посреди поклонников своих,
Надменная, меня ласкала, а на них
Лукаво-нежный взор подняв как бы случайно,

Дарила поцелуй, с насмешливостью тайной,
Устами алыми младенческим устам.
Завидуя в тиши божественным дарам,
Шептали юноши, стора в неге страстной:
«О, сколько милых ласк потеряно напрасно!»

Лида

«Ланиты у меня на солнце загорели,
И ноги белые от терний покраснели.
День целый я прошла долиною; влекли
Меня со всех сторон бляения вдали.
Бегу, – но, верно, ты скрываешься, враждую;
Все пастухи не те! О, где же, где найду я
Тебя, красавец мой? Скажи, поведай мне,
Где ты пасешь стада? В которой стороне?»

О нежный отрок, ты краснеешь предо мною!
Взгляни, как я бледна, – истомлена тобою:
Люблю твое чело невинное и нрав.
Пойдем. – Не все ж искать ребяческих забав.
О нежный отрок мой, узнай, как я страдаю:
Хочу забыть тебя – и все не забываю.
Прекрасное дитя, к тебе влекут мечты:
Как дева робкая, склоняешь взоры ты.
Грудь белая твоя, полуприкрыта тканью,
Еще не отдалась любовному желанью.

Пойдем. Узнаешь все. Тебя я научу.
С душою девственной беседовать хочу,
Пока, преодолев невольное смущенье,
Как я, познаешь ты и вздохи и томленье,
А детских щек твоих вот этот пышный
цвет —
Единственно моих лобзаний будет след.
О, если б наконец ты раннею зарею
Пришел на грудь ко мне приникнуть
головою!
Я, сон лелея твой, боялась бы дохнуть,
Чтоб не будить тебя, дышала бы чуть-чуть,
И, складки тонкого раскинув покрывала,
Я
б от твоих ланит горячих отгоняла
И дерзких комаров, и беспокойных пчел».

.....

И Нимфа, отрока сыскав, стоит, вздыхает,
Трепещет и его с собою увлекает.
Садится на траву. Ей уступает он,
И горд, и втайне рад, и явно пристыжен.

Уж прикоснулася неверными перстами
Она к нему. Одна ее рука кудрями
Играет отрока, другая же рука
Ласкает шелк ланит младенческих слегда.
«Дитя, – зовет она, – приди на зов мой

страстный,

Прекрасен, юн, ко мне, и юной, и прекрасной,

Ко мне, прелестный друг, ты на колени сядь.

Скажи, как много лет успел ты сосчитать?

Бывал ли первым ты борцом между друзьями?

Им нынче, говорят, скользящими руками,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.